

АЛЕКСАНДР АБРОСИМОВ

ТЕПЛЫЙ ЛЁД

18+

Александр Абросимов

Тёплый лёд

<https://litres.ru/74195669>

SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого сердца есть своя точка замерзания. Для Аглаи, мастера по спасению древних книг, этой точкой стал уход мужа, оставив после себя лишь пепелище надежд и долги за лечение сестры. Теперь её мир состоит из безопасного запаха клея, тишины архивов и твёрдой уверенности, что любить больше невозможно. Но один заказ меняет всё. Чтобы спасти уникальную библиотеку в родовом гнезде строительного магната Матвея, ей придётся впустить в свой скудный мир человека, чей взгляд плавит любые льды. Он помолвлен с безупречной дочерью партнёра, она — боится даже собственного отражения. Это история не о внезапной вспышке, а о медленном, согревающем огне. О пути от едкой неприязни к любви, которая оказывается единственным лекарством от душевного выгорания. Смогут ли два раненых человека перестать латать прошлое и рискнуть построить общее будущее, если цена этого счастья — потерять всё, что они считали надёжным? Роман о власти чувств, способных воскресить даже ту душу, которую приговорили к вечной зиме.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Запах пыли и озона	8
Глава 2. Неправильный угол падения света	14
Глава 3. Правила обращения с ветхостью	20
Глава 4. Оранжевая дождя	27
Глава 5. Архитектура тишины	33
Глава 6. Две параллельные прямые	39
Глава 7. Шиповник в переплёте	46
Глава 8. Сломанная рама	53
Глава 9. Точка росы	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александр Абросимов

Тёплый лёд

Пролог

Аглая всегда начинала работу с дыхания. Прежде чем коснуться ветхого пергамента скальпелем, прежде чем вдохнуть едкий, но спасительный запах рыбьего клея, она закрывала глаза и медленно выдыхала через нос, выравнивая пульс. В её мире время измерялось не ударами часов, а скоростью распада целлюлозы. Она была реставратором человеком, который собирает чужие жизни по буквам, пока собственная рассыпается в прах.

Сегодня на её столе лежал «Апокалипсис» семнадцатого века. Книга пахла пылью, гарью давнего пожара и сладковатой гнилью. Обложка из телячьей кожи ссохлась до состояния камня. Аглая надела тонкие хлопковые перчатки, похожие на кожу призрака, и подцепила костяной лопаточкой первый слой вековой грязи. Работа требовала абсолютного смирения. Здесь нельзя было торопиться, как нельзя торопить увядающий цветок.

Она работала уже шестой час подряд. За узким ок-

ном книгохранилища давно стемнел ноябрьский вечер, зажглись редкие фонари, бросая на пол полосы мертвенно-желтого света. Единственным звуком в огромной гулкой комнате был шорох её инструментов и мерное гудение ламп дневного света. Эта тишина была для неё броней. После развода с мужем-невротиком, после его крика, бьющего по нервам похлеще молотка, Аглая полюбила вакуум архивов. Здесь никто не ждал от неё улыбки или горячего ужина. От неё ждали только точности.

Когда клей схватился, скрепляя разошедшийся блок листов, Аглая решила проверить каптал плетеный край корешка. Именно там мастера прошлого часто прятали свои тайны: записки на латыни, локоны возлюбленных, сухие травы. Она осторожно провела пальцем по грубой нити. Что-то острое впилося в перчатку. Не иголка плесени и не случайная щепка.

Это был цветок. Маленький, сплюснутый до состояния бумажного листа бутон шиповника. Его лепестки стали прозрачными, цвета старого янтаря, сохранив лишь намек на свой прежний кровавый румянец. Он выпал из переплета так легко, словно ждал этого двести лет.

Под цветком, на внутренней стороне верхней доски, виднелся едва заметный след. Аглая включила дополнительную лампу с холодным светом. Бумага в этом

месте истончилась настолько, что просвечивала. Чернила почти исчезли, съеденные влажностью и временем, но левая часть фразы всё ещё держалась за волокна.

«...если ты читаешь это, знай, я выбр...»

Дальше зияла рваная пустота, обугленный по краям провал прямо сквозь страницу. Кто-то вырвал кусок собственной судьбы с мясом, оставив только начало признания и этот мертвый, окаменевший цветок.

Аглая смотрела на засохший шиповник, и ледяной спазм, привычно сжимавший солнечное сплетение последние два года, впервые дал трещину. Этот неизвестный человек когда-то стоял перед таким же выбором, что и она сейчас: остаться в безопасной, предсказуемой клетке обязательств или шагнуть в никуда, ведомым одним лишь запахом чужой кожи и обещанием тепла. Цветок пахнул пылью, но Аглае чудился аромат мокрой земли и летнего дождя.

Она аккуратно, самыми кончиками пальцев, подняла хрупкую находку и положила её на чистое белое сукно рядом со своими инструментами. Реставратор внутри неё требовал немедленно зафиксировать артефакт специальным раствором, чтобы сохранить его навечно. Но женщина внутри просто накрыла его ладонью, согревая замерзшие костяшки.

За окном начался дождь. Крупные капли тяжело

ударили по стеклу, смывая городскую грязь. Аглая вздрогнула от неожиданности, но не убрала руку с цветка. Впервые за долгое время звук воды по крыше не казался ей похоронным маршем. Он звучал как приглашение. Начало чего-то нового неизбежно должно быть немного пугающим и очень тихим.

Глава 1. Запах пыли и озона

Аглая вошла в библиотеку, и первым делом её с ног до головы окатило запахом старой катастрофы. Это была сложная, удушливая смесь вековой книжной пыли, сухой гнили подмокшего дерева и резкой химической ноты так пахнет испорченный диэлектрический озоновый очиститель воздуха, который кто-то включал здесь на полную мощность в отчаянной попытке спасти положение.

Она сделала шаг внутрь, и тяжелая дубовая дверь отсекала шум стройки. Матвеевская реконструкция напоминала хирургическую операцию без наркоза: повсюду желтели конусы света от мощных софитов, леса из полированного алюминия казались инородными телами внутри барочной роскоши, а под ногами хрустела бетонная крошка. Аглая поморщилась. Для неё этот дом был не объектом недвижимости, а дышащим организмом, которому только что вскрыли грудную клетку.

Её взгляд метнулся к стеллажам. Левое крыло библиотеки выдержало удар стихии там лишь потемнел лак. А вот правое... Правое крыло выглядело как поле боя. Тяжелый латунный карниз прорвал натяжной потолок во время весеннего паводка, когда рабочие

забыли закрыть фрамуги. Вместе с тоннами грязной воды с чердака рухнула часть перекрытия, похоронив под собой три нижних яруса книг восемнадцатого века. Переплеты разбухли, превратившись в лиловые слизистые саркофаги. Бумага пошла желтыми волдырями плесени.

Двести тысяч за демонтаж, прошептала Аглая себе под нос, машинально переводя вид разрушений в цифры. Страховка покроет дерево, но не спасет бумагу. Сорок на химчистку обивки... Шестьдесят в месяц на импортные антибиотики для Киры. Итого минус триста еще до начала работы с блоками. Если я подниму ценник за срочность хотя бы на десять процентов, они найдут другого мастера. Им плевать на культуру, им нужен красивый отчет для министерства.

Она опустилась на колени прямо на грязный пол, игнорируя предложенные заказчиком пластиковые бахилы. Пластик скользит по стремянке, это непрофессионально. Её пальцы, привыкшие к стерильности перчаток, сами потянулись к завалу. Она вытащила верхнюю книгу «Теорию небесных сфер». Кожаный переплет превратился в холодный, склизкий комок. Аглая нажала большим пальцем на корешок. Масса поддалась с тихим, влажным чавканьем. Внутри плесень уже сплела белую ватную паутину, пожирая типографскую краску.

Только через заморозку, констатировала она вслух, доставая телефон и делая серию быстрых макроснимков для сметы. Лиофилизация. Иначе текст осыплется черной трухой при первом же прикосновении. Нужен отдельный бокс с контролем влажности. Двадцать дней простоя минимум.

Вы собираетесь спать на рабочем месте? Или ищите затонувшие сокровища?

Голос ударил по нервам сильнее запаха озона. Низкий, лишенный всяких эмоций, с той специфической московской хрипотцой, которая стоит дороже часов Patek Philippe.

Аглая медленно поднялась, стряхивая с колен невидимую пыль. Перед ней стоял хозяин дома. Матвей Вересаев выглядел именно так, как должен выглядеть человек, способный купить целый квартал исторической застройки просто потому, что ему нравится вид из окна. Идеально скроенное пальто цвета мокрого асфальта, которое стоило больше, чем её старенький Renault, было расстегнуто, несмотря на сырость. В руках он держал бумажный стаканчик из дорогой кофейни. От него пахло дождем, морозным воздухом и дорогим парфюмом, который пытался, но не мог перебить запах чужого горя.

Его светло-серые глаза холодные, как зимнее небо над промзоной сканировали её с головы до ног.

Взгляд задержался на её дешевых резиновых сапогах, заляпанных строительной грязью, потом перепрыгнул на руки. На его лице мелькнуло плохо скрытое раздражение.

Я оцениваю ущерб, господин Вересаев, ровно ответила Аглая, пряча телефон в карман рабочей куртки. Ваши реставраторы пытались сушить эти книги тепловыми пушками. Они их варили заживо. Теперь половина текста переведена на подкладочную ткань штор. Это невозвратные потери.

Мне плевать на буквы, Матвей сделал глоток кофе, даже не поморщившись. Его брезгливость ощущалась почти физически, словно воздух между ними стал плотным и колючим. Мне нужна комната. Светлая, пустая, с хорошим климатом. Чтобы мои гости на новогоднем приеме могли сказать: «О, какая милая старая библиотека». Милая, Лада. А не ваш анатомический театр с расчлененкой. Уберите этот мусор. Закажите новые корешки. Натуральную кожу. Тиснение золотом. Сделайте мне красиво.

Он назвал её Ладой. Он прочитал имя на бейджике-клипсе вверх ногами и решил, что «Аглая» звучит слишком претенциозно для женщины в резиновых сапогах. Это пренебрежение обожгло её сильнее, чем ледяной сквозняк из разбитого окна.

Золотое тиснение на этой бумаге провалится

сквозь лист, как игла в масло, её голос остался спокойным, но костяшки пальцев, сжимающих ручку сумки, побелели. Эти книги дышали вместе с этим домом двести лет. Вы можете снести стены, залить всё бетоном и поставить пластиковый стеллаж из ИКЕА. Но если вы хотите сохранить подлинник, вам придется дышать с ним одним воздухом. Со всей его вековой пылью. Озон тут не поможет, господин Вересаев. Поможет только смирение перед временем.

Матвей моргнул. Впервые за весь разговор в его глазах появилось нечто похожее на интерес. Не на уважение, нет хищники не уважают траву, которую собираются вытоптать, но они её замечают. Он смотрел на женщину, которая стояла по щиколотку в грязи и гнилье, отказываясь называть катастрофу «косметическим дефектом».

Смелая, протянул он, кривя губы в усмешке, которая никогда не касается глаз. Люблю смелых подрядчиков. Обычно хватает одного счета, чтобы любовь к искусству сменялась любовью к ипотеке. Хорошо. Работайте. Но если через неделю здесь будет вонять вашим музейным нафталином, я лично выкину этот книжный лом в окно. Мой дед строил эту империю не для того, чтобы его внуки нюхали мышиное дерьмо ради красивой сказки.

Он развернулся на дорогах кожаных подошвах и

пошел прочь, оставив её одну посреди руин.

Аглая дождалась, пока звук его шагов растворится в гуле вентиляции, и только тогда позволила себе выдохнуть. Колени предательски дрожали. Она прислонилась спиной к холодной дубовой панели, чувствуя лопатками резьбу.

«Твой черед быть смелой, Глаш, пронеслось в голове. Ради Киры. Ради этих мертвых листьев. Просто делай свою работу. Не смотри на него. Забудь, как он произносит твоё имя».

Она снова опустилась на колени. Подняла с пола следующий, разбухший том. От него пахло болотом и концом эпохи. Но где-то глубоко под слоями слизи и отчаяния всё ещё таился тот самый довоенный клей, терпкая тишина бумаги и обещание чего-то целого. Ей нужно было собрать себя точно так же по кусочкам, прижимая разорванные края друг к другу, надеясь, что сцепление окажется достаточно крепким.

Глава 2. Неправильный угол падения света

Матвей привык смотреть на мир через фильтры. Фильтры банковских выписок, отчеты о движении активов, линзы панорамных окон пентхауса, отсекающие уличный шум. Но сейчас он смотрел на Аглаю сквозь объективы системы безопасности усадьбы.

В его кабинете, обшитом темным деревом, светился огромный экран диспетчерской. Шестнадцать квадратов: въездные ворота, периметр, пустые гостиные. И одна картинка, которую Матвей вывел в центр, растянув на весь монитор инфракрасная съемка библиотеки. Там, внизу, среди леса алюминиевых лесов и синих теней, горел единственный теплый желтый остров.

Было начало третьего ночи. Дом спал мертвым сном бетона и роскоши, охраняемый десятком безмолвных людей в черной форме. А она нет.

Аглая сидела на низкой стремянке, скрестив ноги по-турецки прямо на металлической перекладине. На коленях у неё лежала какая-то тряпка, подсвеченная тяжелой настольной лампой с зеленым абажуром анахронизмом, который казался здесь таким же неумест-

ным, как костяной нож в операционной. Она не работала. Она просто смотрела в книгу. Её плечи были укутаны в старый шерстяной плед, явно привезенный из дома, дешевая клетчатая вещь никак не вязалась со стерильностью белых реставрационных халатов. Время от времени она подносила к губам край огромной керамической кружки. Пар давно исчез, значит, чай остыл еще час назад.

Матвей увеличил изображение, фокусируясь на её лице. Днем она показалась ему серой мышью, зацикленной на пыли. Но ночь снимала другие сливки. В резком свете лампы он видел, как дрожат её ресницы. Как напряжена линия челюсти не от усталости, а от сосредоточенности такой плотности, что воздух вокруг неё, казалось, начинал потрескивать. Она гладила пальцем обрез книги. Не листала, именно гладила, словно успокаивала испуганное животное.

На столе перед ней стоял планшет. Матвею достаточно было нажать одну кнопку на коммуникаторе, чтобы получить полный доступ к её рабочему столу, взломать почту или банковский счет. Это был его привычный алгоритм власти: знать всё, контролировать всех, покупать тишину оптом. Он уже открыл рот, чтобы вызвать начальника службы безопасности и приказать подготовить утренний отчет о психологическом профиле объекта «Реставратор», но палец замер

над экраном смартфона.

Он перевел взгляд с её лица на пустой стол рядом. Там стояла только эта нелепая кружка. Ни еды, ни даже автомата с шоколадками рабочие вывезли все вендинговые машины во время ремонта фасада. Усадьба была зоной стройки, пустыней для живого человека.

«Она ничего не ела с обеда, констатировал холодный аналитик внутри него. При ее бюджете заказ доставки сюда съест четверть дневного заработка. Глупо».

Решение пришло не как бизнес-план, а как внезапный приступ раздражения на самого себя. Ему захотелось сломать собственный сценарий. Не купить её лояльность повышением гонорара, не запугать дедлайном, а сделать нечто иррациональное. Нечто человеческое.

Пальцы забегали по экрану быстрее, чем он успел передумать. Приложение ресторана грузилось мучительно долго. Матвей цедил проклятия сквозь зубы, выбирая между том-ямом и бурратой. Он остановился на плотной домашней еде: бефстроганов с пюре, горячий хлеб, морс. Оформил анонимную доставку до ворот, приложив свою личную карту Black Infinite. Написал в комментариях для курьера: «Оставить у поста охраны для мастера-реставратора. Без сдачи. Чек мне».

Посмотрим, как ты заговоришь, когда согреешься, пробормотал он в пустоту кабинета, делая глоток своего скотча.

Экран телефона мигнул уведомлением спустя сорок минут. Заказ прибыл. Еще через десять минут ожил чат внутренней связи особняка. Вызывали дежурного офицера.

Матвей снова переключил камеру на библиотеку. Картина изменилась. Лампа теперь стояла чуть левее, бросая тень от её носа совершенно иначе неправильный угол падения света делал лицо мягче, стирая хищную линию скул. Аглая больше не сидела на лестнице. Она стояла посреди комнаты, держа в руках белый пакет из крафтовой бумаги. Плед сполз с плеч. Она выглядела растерянной. Олень, выбежавший на освещенное шоссе.

Она подошла к панели интеркома у двери. Матвей слышал её голос через внешние микрофоны тихий, звенящий от напряжения: Охрана? У ворот курьер. Говорит, заказ для меня. Я никого... я не делала заказов. Проверено, Аглая Николаевна, прохрипел динамик голосом старого Михалыча. Оплачено полностью. Сказано передать вам.

Михалыч служил еще отцу Матвея. Старик никогда не задавал вопросов, если хозяин хотел поиграть в тайного Санту.

Матвей ждал. Ждал улыбки, удивления, может быть, быстрого звонка кому-то (ему?) с благодарностью. Стандартная реакция женщины, получившей неожиданный подарок от сильного мира сего. Сценарий номер четыре из учебника по манипуляции персоналом.

Аглая постояла еще минуту, глядя на пакет. Затем медленно, очень медленно разжала пальцы. Пакет упал на каменный пол с глухим стуком. Еда расплескалась внутри пластикового контейнера. Запах дорогого мяса и жареного лука остался где-то там, внизу, невидимый для камер, но абсолютно лишний в этой хрустальной тишине.

Она развернулась и пошла обратно к своей стрелянке. Поднялась наверх. Снова взяла в руки ту самую книгу. Открыла её на той же странице. Поправила зеленый абажур так, чтобы свет падал ровно, математически точно, убивая любые тени.

Её отказ от ужина прозвучал громче любого скандала. Она не просто проигнорировала жест. Она аннулировала его. Для Матвея Вересаева, чье имя открывало двери Кремля и швейцарских банков, чья кредитка решала проблемы целых отраслей промышленности, полное игнорирование материальной транзакции было физическим невозможным парадоксом. Люди всегда брали то, что он давал. Даже если потом

плевали вслед. Эта женщина выбросила его заботу на пол, потому что она нарушала границы её вакуума.

Матвей откинулся в кресле. Скотч вдруг стал горьким. Он смотрел, как она сидит под своей лампой прямая, голодная, неприступная, и чувствовал, как впервые за долгие годы рушится фундамент его уверенности. Оказывается, власть заканчивается там, где человеку становится нужен не твой кошелек, а твоя способность дышать с ним одним воздухом. И этого воздуха у него не было.

Глава 3. Правила обращения с ветхостью

Утро в библиотеке пахло озоном и одиночеством. Аглая сидела на корточках перед раскрытым лабораторным кофром. На бархатной подложке, словно хирургические инструменты, лежали шприцы без игл, японские косточки для разглаживания бумаги разной ширины и крошечная фарфоровая ступка.

Она готовила клей. Настоящий реставратор никогда не берет состав из банки. Бумага субстанция капризная, почти живая; она задыхается от синтетики, желтеет от кислотности ПВА и становится хрупкой от избытка пластификаторов. Аглая медленно всыпала в теплую дистиллированную воду порошок очищенного пшеничного крахмала. Движения были медитативными, выверенными годами боли: если поспешить, образуются комки, которые сожрут волокна пергамента быстрее плесени.

Вы используете животный коллаген?

Голос Матвея ударил по нервам, отразившись от высокого свода. Он стоял у неё за спиной бесшумно, как хищник, хотя его дорогие ботинки должны были стучать по паркету оглушительно. От него веяло улич-

ным холодом и тем специфическим запахом дорогого парфюма, который пытаются выдать за природный магнетизм.

Аглая даже не обернулась, продолжая плавно вращать стеклянную палочку в фарфоре. Я использую метил целлюлозу высокой вязкости, господин Вересев. Для блока. А для форзацев пойдет осетровый клей собственного варения, но только после того, как мы снимем микрофлору. Коллаген даст слишком жесткую пленку. Эта книга должна дышать, а не стоять в панцире.

Матвей подошел ближе. Его тень накрыла её рабочий стол, погасив теплый свет лампы. Мои технологи в лаборатории строительных смесей разработали новый полимер, он говорил тоном человека, предлагающего купить остров. Адгезия идеальная. Схватывается за три секунды. Водоотталкивающий. Мы покроем им обрезы, и никакой влажный воздух усадьбы больше не тронет бумагу. Это решит проблему влажности раз и навсегда.

Аглая медленно положила палочку. Медленно поднялась, стряхивая пыль с колен. Она повернулась к нему лицом. В утреннем свете, падающем из окна, его черты казались высеченными из мрамора, но под глазами залегли тени свидетельство бессонной ночи или тяжелых мыслей, которые он тщательно скрывал за

броней самоуверенности.

Если вы зальете мои фолианты своим строительным пластиком, я соберу вещи прямо сейчас, её голос звучал тихо, но сталь в нем могла резать стекло. Ваши полимеры запечатают кислоту внутри бумаги. Через десять лет чернила просто провалятся сквозь страницы, потому что целлюлоза превратится в труху под слоем вашей идеальной пленки. Книга умрет стоя. Красиво, дорого и мертво. Вам ведь это знакомо, правда?

Удар попал точно в цель. Лицо Матвея на мгновение потеряло свою скульптурность. Он дернул угол рта, выдавая раздражение, которое тут же попытался замаскировать снисходительной усмешкой. Психологический анализ до завтрака? Смело. Но давайте начистоту. Вы цепляетесь за эту органическую дичь, потому что боитесь всего нового. Старое безопасно. Оно уже развалилось, ему нельзя сделать хуже. Удобная позиция для тех, кто устал бороться.

Я не боюсь нового, Аглая взяла со стола кусок дешевого карманного издания в глянцевой обложке, валявшийся здесь среди антиквариата видимо, оставленный кем-то из прорабов. Я просто знаю физику старения. Возьмите это. Понюхайте.

Она сунула книгу ему под нос. Матвей инстинктивно отшатнулся, презрительно морща нос от вида дешевой

полиграфии, но всё же наклонился. Сделал короткий вдох.

Резина. Кислятина. Химозная сладость, скривился он, отстраняясь. Запах вокзального ларька. Именно, кивнула Аглая, бережно кладя книжонку обратно. Это запах типографской краски дешевых изданий. Запах спешки. Запасных тиражей, которые печатают на серой бумаге с лигнином. Они воняют старостью в первый же день своего рождения. Они гниют заживо. И ваш строительный клей пахнет так же. Он кричит о своей дешевизне, пытаюсь прикрыться словом «инновации».

В комнате повисла тишина, густая и тяжелая, как их вчерашний недопонимание. Матвей смотрел на свои руки ухоженные, сильные руки человека, привыкшего ломать и строить. Затем его взгляд снова впился в лицо Аглаи. Что-то в ней изменилось. Исчезла защитная броня музейной мыши. Перед ним стояла женщина с выжженной землей внутри.

Знаете, почему мой брак закончился через два года после свадьбы? внезапно спросил Матвей. Вопрос прозвучал хрипло, словно слова продирались сквозь горло, покрытое ржавчиной. Моя бывшая жена тоже любила все идеальное. Идеальные фасады. Идеальные счета. Идеальный график зачатия детей. Она облицевала нашу жизнь таким толстым слоем социаль-

ного пластика, что мы задохнулись. Когда у нее случился выкидыш на третьем месяце, она просто вызвала клининговую службу, чтобы убрать кровь с паркета, пока я был на совете директоров. Ни одной трещины на фасаде. Все очень... водоотталкивающе.

Аглая почувствовала, как воздух в легких стал плотным. Она узнала этот тон. Так говорят люди, которые привыкли платить за молчание, но вдруг решили отдать нечто более ценное бесплатно. Её собственные стены, возведенные после предательства мужа его бесконечных измен ради «поддержания статуса» и долгов, скрытых под видом бизнес-кредитов, дрогнули.

Мой бывший муж коллекционировал первые издания, произнесла она, глядя мимо плеча Матвея, на ряды пустых полок. Кожаные переплеты, золотое тиснение. Музейные экспонаты. Он ставил их за стекло. А когда я забеременела, он начал считать, во сколько обойдется лечение, если ребенок родится слабым. Кира родилась раньше срока. Он принес мне документы на развод прямо в реанимацию, потому что страховка компании не покрывала инвалидность. Сказал, что брак — это инвестиционный проект, а убытки нужно фиксировать сразу. Тоже любил инновации. Только финансовые.

Матвей сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до

неприличной. Теперь он мог чувствовать слабый запах травяного мыла от её волос. Он протянул руку, но не коснулся её. Его пальцы замерли в сантиметре от её предплечья, рядом с той самой баночкой клея.

Поэтому вы спите на стремянке посреди строительной пыли? его голос сел почти до шепота. Прячетесь среди мертвецов, потому что живые сделали вам слишком больно своими идеально чистыми руками?

Я здесь работаю, выдохнула Аглая, наконец позволяя себе посмотреть ему прямо в глаза. В них больше не было льда. Там была такая же обугленная пустота, как у неё самой. И я ненавижу запах дешевой краски. От него болит голова и вспоминается общежитие художественного училища. Голод и унижение.

Губы Матвея дрогнули в подобии улыбки. Впервые настоящей. Господи, да заткнитесь вы оба со своим элитным прошлым, раздалось громкое сопение от двери.

Там стоял Михалыч, старый начальник охраны, держа в руках две картонные подставки. На каждой дымился бумажный стаканчик. Стоят курят ваши трагедии, нормальным людям работать мешают. На, архитектор, твой двойной эспрессо. А тебе, девочка, я взял латте на миндальном. У тебя вид такой, будто ты вот-вот в обморок рухнешь от благородства.

Он сунул стаканчик прямо в свободную руку Аглаи.

Горячий пар ударил в лицо, пахнув чем-то уютным, земным и абсолютно безопасным. Орехами и сахаром.

Матвей посмотрел на свой кофе, потом на стаканчик в руках Аглаи. Затем перевел взгляд на банку с клейстером. Метил целлюлоза, значит, пробормотал он, делая глоток. Поморщился черный кофе всегда казался ему наказанием, пока не начинал действовать. Варите дальше, Лада. Только откройте окно. А то ваш осетровый клей теперь соревнуется с моим одеколоном. Побеждает мерзость запустения, честно.

Он развернулся и пошел к выходу, оставив её одну с горячим стаканом и звенящей пустотой в груди, которая впервые за долгое время не болела, а лишь тихонько пульсировала в такт биению сердца. Общие враги сближают лучше общих друзей. Особенно если враг — это фальшивка, завернутая в красивую упаковку.

Глава 4. Оранжерея дождя

Ноябрьский ливень обрушился на усадьбу внезапно, без привычного для средней полосы затяжного вступления. Небо просто прорвалось. Вода была в стекла плотной стеной, превращая парк за окном в размытое черно-зеленое пятно.

Аглая работала в примыкающей к библиотеке старой оранжерее. Это было единственное место с правильным светом: стеклянная крыша здесь не была закрыта фальш-потолком, и даже сквозь свинцовую тяжесть туч сюда просачивался тот самый жемчужный, рассеянный свет, который так ценят реставраторы. Она спасала «Трактат о лекарственных растениях» тысяча шестьсот сорок второго года. Блок был изъеден рыжей книжной плесенью тихим убийцей архивов. Аглая часами дышала парами формалина, скальпелем снимая микроскопические слои грибка, похожие на ржавую паутину.

Она так увлеклась битвой за каждую букву, что не сразу заметила нарастающий гул. А когда подняла голову, мир снаружи превратился в ревущий поток. Дождь хлестал по стеклам с такой силой, что массивные рамы старого дуба начали вибрировать. Внезапно раздался сухой металлический щелчок.

Замок. Автоматический замок тяжелой герметичной двери оранжереи сработал от удара ветра или сбоя в системе «умного дома», которую Матвей установил неделю назад.

Аглая дернула ручку. Бесполезно. Электромагнитный ригель держал мертво. Она осталась одна внутри стеклянного куба размером десять на пятнадцать метров, пока снаружи природа сходила с ума.

Эй! крикнула она, стуча костяшками пальцев по толстому стеклу в сторону библиотеки. Есть кто-нибудь? Замок заклинило!

Ее голос утонул в шуме воды. Стеклянные стены больше не защищали они стали экраном кинотеатра, где показывали фильм-катастрофу. Температура внутри начала падать стремительно. Старое стекло отдавало холод земли, а сквозняк потянул по ногам ледяным поясом. Аглая попятилась, инстинктивно прижимая спасенную книгу к груди, словно щит.

Паника пришла не волной, а ледяной иглой, вонзившейся под ребра. Клаустрофобия смешалась со старым, почти забытым ужасом: много лет назад бывший муж запер ее в ванной во время ссоры, оставив одну на всю ночь. Запах сырости, темнота и невозможность выйти делали свое дело. Воздух вдруг стал густым, как кисель. Легкие отказывались его втягивать.

Она сползла по стенке прямо на холодный каменный пол, подтянув колени к подбородку. Книга лежала у нее на коленях раскрытой, страдая от влажности вместе с хозяйкой. Аглая зажмурилась, пытаясь задавить подступающую истерику счетом: вдох на четыре... задержка на семь... Аглая всегда считала, что контролирует свои демонов, но сейчас они оказались сильнее пульса.

Матвей обнаружил пропажу только через полчаса. Проходя мимо панели охраны, он заметил мигающий индикатор ошибки на контуре зимнего сада. Какого черта там происходит? бросил он Михалычу, хотя вопрос был риторическим. Он подошел к двери оранжереи. Картина внутри заставила его замереть.

В центре стеклянного ада, освещенная мертвенным светом дежурных ламп, сидела маленькая фигурка. Она обнимала колени, спрятав лицо, и казалась крошечным островком тепла в этом ледяном аквариуме. Рядом с ней, прямо на мокром полу, лежала раскрытая древняя книга.

Сердце Матвея пропустило удар, а затем забилось с перебоями. Он видел сотни кризисов в бизнесе: падение акций, предательство партнеров, обыски ФСБ. Но вид человеческого существа, сломленного не внешним врагом, а самим пространством, вызвал в нем

первобытную ярость. Ярость на себя. На свой чертов «умный дом». На свою невнимательность.

Он вбил код аварийной разблокировки. Щелкнул соленоид. Тяжелая дверь поддалась с натужным скрипом.

Поток холодного воздуха и шума ворвался внутрь. Фигурка у стены вздрогнула, как от удара током. Она вскинула голову. Глаза огромные, черные в полумраке, совершенно безумные. Зрачки расширены до краев радужки.

Не подходи, прошипела она, выставляя вперед свободную руку. Книга жалобно хрустнула переплетом. Не смей меня трогать.

Но Матвей уже шагнул внутрь. Вода промочила его дорогие туфли насквозь, носки прилипли к ледяному камню. Он игнорировал её протест. Его мозг работал четко, отсекая эмоции протоколом выживания: согреть, вывести из стресса, устранить угрозу.

Лада, посмотри на меня, приказал он низким, вибрирующим голосом, который обычно использовал на переговорах с миноритариями. Дыши. Ты в безопасности. Это просто дождь.

Закрой дверь! выкрикнула она, съеживаясь еще сильнее. Там темно. Оставь щель. Пожалуйста.

Только теперь он понял. Дело не в дожде. Дело в коробке. Он присел перед ней на корточки, стараясь

быть ниже её уровня глаз, чтобы не давить. От него пахло дождем, шерстью пальто и озоном.

Я рядом, тихо сказал он. Между тобой и дверью никого нет. Выход открыт. Слушай мой голос.

Он медленно протянул руку. Не к ней к книге. Осторожно, самыми кончиками пальцев, он коснулся ветхого кожаного уголка, отводя его подальше от грязной лужи на полу. Этот жест забота о бумаге посреди апокалипсиса подействовал лучше слов. Аглая проследила за его рукой. Увидела, как бережно он касается того, что ей дорого.

Давай выбираться, произнес Матвей. Пол слишком холодный. Ты заработаешь воспаление почек, а мне потом возиться с твоими счетами за больницу. Нерационально.

Это была ошибка. Слово «нерационально» включило триггер защиты. Она попыталась встать сама, оттолкнув его плечо. Ноги, затекшие от холода и страха, подкосились.

Аглая начала заваливаться набок, теряя сознание от сочетания гипоксии и панической атаки.

Матвей среагировал быстрее, чем успел подумать. Он поймал её, скользнув одной рукой под колени, вторую закинув за спину. Её тело оказалось пугающе легким, почти невесомым, сплетенным из одних острых углов и дрожащих мышц.

Он поднял её на руки.

И в этот момент мир сузился до размеров его пиджака, в который она тут же вцепилась побелевшими пальцами. Матвей почувствовал всё: мелкую, частую дробь её сердца где-то под своей грудной клеткой, запах её волос пыль, сухие травы и что-то сладкое, домашнее, и то, как она прячет лицо у него на шее, ища спасения от стеклянных стен.

Она дрожала всем телом. Не от холода от пережитого ужаса замкнутого пространства. И эта дрожь передавалась ему, электризуя воздух. Впервые за десятилетие Матвей Вересаев нес на руках не трофей, не проблему и не пьяную любовницу. Он нес чужую хрупкость, которая весила больше, чем любая его ответственность.

Тише, выдохнул он ей в макушку, выходя в теплый, благословенно глухой коридор библиотеки и плечом закрывая за собой дверь в стеклянный ад. Всё кончилось. Я тебя держу.

Аглая судорожно вздохнула, вдыхая запах его рубашки, и только крепче вжалась пальцами в дорожную шерсть, боясь, что если отпустит, то снова упадет в ледяную темноту.

Глава 5. Архитектура тишины

Тишина в усадьбе всегда имела вес. Раньше это была тяжесть пустого пространства, гулкость залов, где звук дорогих шагов гасился персидскими коврами и высокомерием владельца. Матвей привык заполнять эту пустоту звонками, графиками и сухим треском клавиатуры. Но последние три дня эта привычная геометрия дала сбой.

Он отменил утренний звонок с лондонским офисом. Перенес обед с инвесторами из Дубая на неопределенный срок сослался на «острое пищевое отравление», хотя единственным симптомом было странное жжение под ложечкой от отсутствия привычного стресса. Третью встречу, с поставщиками итальянского мрамора, его секретарь Анна закрыла сама, получив короткое: «Я в библиотеке. Меня нет».

Матвей сидел в глубоком кожаном кресле реставратора. Это было единственное место в огромной комнате, куда не дотягивался сквозняк и где лампа падала идеально ровно. Кресло пахло старой пылью, клеем и чем-то неуловимо женским сухими травами, которые Аглая добавляла в свой чай.

Сама Аглая сидела за соседним столом, скрытая от него высокой стопкой неразобранных фолиантов. Он

не смотрел на неё. Смотреть означало бы признать вторжение. Вместо этого он построил вокруг неё архитектуру внимания.

Вот шорох. Мягкий, скользящий звук костяной лопаточки по пергаменту. Фа-ша. Будто змея ползет по песку, собирая песчинки. Матвей знал этот инструмент: она снимала верхний слой окислившегося лака. Движения были ритмичными, гипнотическими. Она работала уже два часа без перерыва, если не считать тех пяти минут, когда она вставала размять затекшую поясницу.

Затем щелчок. Совсем тихий. Металл о стекло. Она сменила скальпель на тонкую иглу для расправления волокон бумаги. Звук был похож на взводимый курок пистолета, но лишенный всякой агрессии. В нем была только предельная концентрация хирурга перед надрезом.

Матвей закрыл глаза.

В своей обычной жизни он жил в децибелах. Гудение серверов, рев мотора Maybach, многоголосый гомон советов директоров, истерики бывшей невесты Вики, требующей доказательств любви через чеки. Его мозг был натянут как струна, постоянно анализируя интонации собеседников на предмет лжи или слабости. Здесь же звуковая волна отсутствовала. Была только плотность.

Он вдруг понял, что тишина рядом с ней имеет структуру. Она не была пустой. Она состояла из слоев. Нижний слой далекий шум дождя по крыше оранжереи. Средний едва уловимое потрескивание старого дерева стеллажей, остывающего после дневного жара батарей. И верхний, самый плотный слой её дыхание. Ровное, глубокое, сосредоточенное. Она дышала так, как люди живут, полностью присутствуя в моменте.

Вы моргаете слишком громко, внезапно сказала Аглая, не поднимая головы от микроскопа. Её голос прозвучал как продолжение этой архитектуры, очередная несущая балка. Это нарушает акустику. Если вы хотите дышать мне в затылок, делайте это хотя бы синхронно со мной.

Матвей вздрогнул, распахивая глаза. Откуда? Он сидел абсолютно неподвижно, слившись с тенью кресла. Он даже телефон перевел в беззвучный режим час назад.

У меня профессиональная деформация, усмехнулся он, намеренно делая голос чуть грубее, чтобы скрыть растерянность. Я слышу ложь по изменению тембра. А ваше молчание звучит честнее любой финансовой отчетности.

Аглая наконец отложила инструменты. Положила ладони на стол ладонями вверх жест сдачи, который почему-то выглядел как проявление силы. Под туск-

лым светом лампы пыль в воздухе стала видимой миллионы золотых пылинок танцевали медленный вальс.

В моей работе есть правило, произнесла она, глядя сквозь Матвея, словно считывала линии на невидимом чертеже. Никогда не заполняй паузы лишним звуком. Когда книга сопротивляется реставрации, нужно просто остановиться. Замереть. Послушать, где именно рвется волокно. Если давить дальше, страница рассыплется. Тишина — это диагностический прибор.

Она повернулась к нему всем корпусом. На её щеке красовалось серое пятно сажи, а волосы были небрежно стянуты в узел на макушке, откуда выбилось несколько влажных прядей. Она выглядела совершенно домашней, неправильной для этих стен, и от этого вида у Матвея пересохло во рту.

Моя жизнь состоит из шума, Лада, сказал он тихо, удивляясь собственной откровенности. Голос сел. Я строю небоскребы, потому что они пронзают небо и заглушают мой страх высоты. Я покупаю компании, потому что крик поглощенных конкурентов забивает эхо моего одиночества. Я умею говорить часами, убеждая людей отдать мне их деньги и время. Но сейчас... я слушаю, как ты чистишь мертвую бумагу, и понимаю, что все мои переговоры последних десяти лет звучали тише, чем один этот щелчок твоей иглы.

Аглая смотрела на него долго. В её глазах не было жалости коллекционеры чужих травм вызывали у нее безразличность. Там было узнавание. Она тоже умела строить стены. Только её стены состояли из книжных корешков.

Вы пытаетесь купить тишину, Матвей, мягко возразила она. Но её нельзя положить в банк. К ней можно только примоститься. Как кошка к батарее. Садитесь ближе, у вас плечи каменные. Вы их держите так, будто боитесь, что потолок рухнет. Спойлер: он держится на честном слове старых плотников лучше, чем ваши контракты.

Она кивнула на свободный стул прямо напротив своего стола. Не просьба. Приглашение в свою зону комфорта. Вторжение внутрь периметра, которое он сам себе запрещал всю неделю.

Матвей поднялся. Кожаное кресло выдохнуло воздух с легким свистом. Он обошел стопку книг, чувствуя себя слоном в посудной лавке, каждое движение которого кажется кощунством. Сел на предложенный стул. Дерево оказалось жестким, неудобным. Никаких мягких подушек. Никакого дистанцирования.

Он положил руки на стол. Рядом с её руками, покрытыми сеточкой мелких царапин от бумаги и въевшейся черной пылью.

Они сидели так десять минут. Десять минут аб-

солютного ничегонеделания. За окном окончательно стемнело, и теперь библиотеку освещали только тяжелые лампы накаливания, превращая капли дождя на стеклах в растекающийся воск.

Матвей чувствовал, как уходит хроническая боль в шейном отделе позвоночника, которая мучила его годами. Просто потому, что некому было нападать. Некому было оценивать его стоимость в данную секунду. Женщина, напротив, просто существовала, и позволяла существовать ему. Без ценника.

Когда Аглая снова взяла в руки скальпель, звук показался ему музыкой. Симфонией закрытого клуба, членом которого он стал сегодня впервые в жизни. Клуба людей, которым достаточно просто быть в одной комнате, чтобы чувствовать себя дома.

Глава 6. Две параллельные прямые

Матвей ненавидел видеозвонки по протоколу FaceTime. В них не было пространства для маневра: нельзя спрятаться за столом, нельзя сослаться на плохую связь в лифте. Ты всегда под прицелом камеры, и твой собеседник видит каждую микро мускула на лице.

Он сидел в кресле реставратора том самом, которое теперь пахло Аглаей больше, чем кожей обивки. Сама Аглая ушла на чердак чистить дымоход старинного камина: сажа летела хлопьями, оседая на её волосах, щеках и воротнике рабочего комбинезона, превращая девушку в чумазого трубочиста из сказки. Она оставила ему термос с травяным чаем, который всё еще хранил тепло её ладоней.

Телефон издал требовательную трель. На экране высветилось имя «Вика». Матвей сбросил вызов. Через тридцать секунд телефон взорвался снова. И снова. После пятого раза он понял, что она не отстанет. С тяжелым вздохом, чувствуя себя так, будто надевает тесный деловой костюм после удобной домашней пижамы, он принял звонок.

Картинка стабилизировалась.

Фон за спиной Вики был идеальным до зубовно-

го скрежета. Стерильный белый лофт в Москва-Сити. Панорамное окно во всю стену, за которым раскинулся город-муравейник, расчерченный нитями трасс. Минималистичная мебель из бетона и стекла. Ни одной лишней вещи, ни одной книги, ни одной складочки на идеально заправленной постели. Это была не квартира, а шоурум успешного человека.

Сама Вика выглядела как обложка журнала о светской жизни. Идеально уложенные волосы, макияж, скрывающий малейшую человеческую неровность кожи, шелковый халат цвета слоновой кости. Она держала в руке бокал просекко, хотя в Москве сейчас было одиннадцать утра.

Наконец-то, её голос звучал звонко и пусто, как хрустальный колокольчик. Я уже думала посылать за тобой машину. Ты игнорируешь мои сообщения двое суток, Матвей. У нас презентация проекта через неделю. Отец спрашивает про смету на фасадные панели. Твои люди молчат.

Матвей смотрел на неё и физически ощущал контраст температур. Там, у Вики, царил кондиционированный холод операционной. Здесь, в библиотеке, воздух дрожал над радиаторами отопления, пах старой бумагой и почему-то копотью, которая впиталась в его одежду от одного объятия с Аглаей час назад.

Фасад подождет, ровно ответил Матвей, намеренно

глядя не прямо в камеру, а чуть в сторону, на корешок книги, которую вчера спасла Аглая. Мы меняем концепцию освещения библиотеки. Архитектурный свет убивает бумагу быстрее времени.

Вика театрально закатила глаза. Этот жест тоже был выверен годами практики жены олигарха. Бумагу? Матвей, мы говорим о миллиардах рублей оборота, а ты обсуждаешь обои? Я прислала тебе рендеры нашего будущего дома. Тот самый минимализм, который мы утвердили. Стены должны быть чистыми. Зачем ты вообще возишься с этим старым сараем? Снес бы его к чертям и поставил стеклянный куб. Это стильно. Это будущее.

Она сделала глоток шампанского. На фоне её идеального профиля лицо Матвея, освещенное теплым желтым светом библиотечной лампы, должно было выглядеть выигрышно. Но он чувствовал, как его челюсть каменеет. Он вдруг увидел себя со стороны: уставший мужчина в мятой рубашке, сидящий среди хлама мертвецов.

Мне нужно идти, отрезал он. У меня совещание. Не вешай трубку, тон Вики мгновенно изменился. Из капризного стал стальным. Это был голос наследницы империи, привыкшей получать всё. Я знаю этот тон, Матвей. Опять твоя игра в благородство. Эти твои... благотворительные проекты. Реставрация церквей,

спасение лесов. Ты пытаешься купить индульгенцию у бога за то, что разоряешь людей? Или это просто скука?

Матвей промолчал. Что он мог сказать? Что он три часа наблюдал, как женщина с перепачканным сажей лицом дышит на треснувший фарфор, чтобы склеить его собственным паром? Какое слово подобрать для этого чувства, если в лексиконе Вики существовали только «рентабельность», «статус» и «инвестиции»?

Где ты находишься? внезапно спросила Вика, прищурившись. Её взгляд метнулся куда-то вбок. Фон странный. Это дерево? Ты в какой-то избушке? Надеюсь, там нет плесени. У тебя аллергия.

Матвей медленно перевел объектив телефона. Прямо в кадр попала стремянка. А на нижней ступеньке, забытая впопыхах, лежала рабочая куртка Аглаи. Дешевая, потертая на локтях вещь, пропахшая костным клеем и сухими травами. Рядом стояла её кружка с отколотой ручкой, заляпанная чем-то темным.

Вика увидела это. Её идеальный лоб прорезала морщинка брезгливости. Господи, это что, мазут? Ты связался с рабочими? Матвей, я запрещаю тебе появляться на людях в таком состоянии. Если ты прилюдно опозоришь фамилию Вересаевых этой... богемной хандрой, отец прекроет финансирование твоих лич-

ных счетов. Ты меня слышишь? Ты должен быть безупречным. Всегда.

Слово «безупречный» ударило по нервам, как осколок стекла. Безупречная жена. Безупречный дом. Безупречное банкротство конкурентов. Жизнь без права на ошибку, без права на грязь под ногтями, без права быть живым.

Я всё сказал по панелям, Виктория, его голос стал ледяным, таким, каким он разговаривал с министрами, отказывающими в тендере. Передай отцу, что проект идет по графику. До свидания.

Он нажал отбой. Экран погас, погрузив библиотеку обратно в янтарный полумрак. Звук исчез. Осталась только тишина, шуршание пыли в луче света и запах озона от увлажнителя.

Тишину нарушил скрип половиц.

Аглая спускалась сверху. Она не видела звонка камера смотрела в другую сторону. Она шла сквозь лучи света, оставляя за собой едва заметный сероватый шлейф сажи. Волосы стояли дыбом от статического электричества. На переносице красовалось жирное черное пятно, похожее на боевую раскраску индейца. Комбинезон был покрыт пылью веков.

Она остановилась, увидев его напряженное лицо. Подошла вплотную, забыв о субординации работодателя и наемного работника. От неё пахло дымом, до-

ждем и усталостью.

Выглядите так, будто съели лимон вместе с кожурой, сказала она, бесцеремонно забирая у него из рук остывший телефон. Ее пальцы, испачканные графитом и золой коснулись его кисти. Проблемы с налоговой? Или опять курс евро упал?

Она принялась деловито листать его журнал вызовов, даже не спрашивая разрешения. Матвей замер, боясь спугнуть момент.

Вика, констатировала Аглая, прочитав имя последнего вызова. Скривила губы. Поняла. Звонила напомнить, что ты существуешь только как приложение к её кредитному лимиту. Угадала?

Матвей хотел возмутиться такой фамильярности. Хотел рывкнуть, что это не её дело. Но вместо этого он смотрел на её лицо. На эту дикую, первобытную красоту женщины, которая только что голыми руками выгребала из столетнего дымохода голубиные гнезда и смерть. Лицо Вики на экране было гладким, как отполированный мрамор. Лицо Аглаи было картой прожитых дней. Каждая частичка сажки на её коже казалась более честной, чем весь бриллиантовый блеск невесты.

Она хочет снести оранжерею, глухо произнес Матвей, забирая телефон обратно. Ради парковки для машин гостей. Говорит, стекло это пылесборник.

Аглая усмехнулась. В уголках её глаз собрались морщинки-лучики. Она села на подлокотник его кресла движение абсолютно недопустимое, интимное, ломающее все правила корпоративной этики.

Скажи ей, что, если она тронет хоть одно стекло, я положу в фундамент её нового паркинга капсулу времени с плесенью, спокойно предложила Аглая, вытирая грязным пальцем сажу со своей щеки, но лишь размазывая её сильнее. Пусть будущие археологи знают, на чем строился их рай. На мертвой земле.

Матвей смотрел на неё. На женщину, сидящую на подлокотнике его кресла, словно на троне. Параллельные прямые никогда не пересекаются. Его жизнь с Викой была идеальной прямой, уходящей в бесконечность богатства и духовной смерти. Его нынешняя жизнь здесь была другой линией кривой, непредсказуемой, пахнущей жизнью.

И впервые в жизни Матвей Вересаев захотел нарушить законы геометрии.

Глава 7. Шиповник в переплёте

Запах старой бумаги всегда напоминал Аглае о крови и костях сухой, металлический, с легкой сладостью тления. Она работала над книгой из личного кабинета Матвея. Это был ин-фолио Боэция «Утешение философией», издание тысяча семьсот двадцатого года. Книга лежала на пюпитре под ярким светом лампы, обнажая свой сломанный позвоночник.

Матвей сидел напротив, в кресле реставратора, но сегодня он не просто наблюдал. Он работал: его сильные пальцы осторожно расправляли загнувшийся уголок карты звездного неба, вклеенной между главами. Они работали молча уже час, синхронизируя дыхание со скрипом ножниц и шелестом кистей. Эта совместная тишина стала настолько плотной, что её можно было резать ножом. Воздух между ними вибрировал от невысказанного.

Аглая прогревала утюжок для выравнивания форзацев. Металл нагрелся до нужной температуры достаточно горячий, чтобы расплавить клей, но не обжечь волокна дерева. Она наклонилась над раскрытой книгой матери Матвея, которую они решили восстановить первой, как символический жест примирения с прошлым.

Она аккуратно приподняла защитный лист кальки. И замерла.

Между сорок второй и сорок третьей страницами, там, где трактат рассуждал о свободе воли, что-то лежало. Что-то тонкое, плоское, цвета запекшейся крови. Не закладка. Закладки оставляют случайно. Этот предмет был зажат намертво, впрессован временем в самую плоть страницы так, что корешок книги слегка вздыбился вокруг него.

У нас тут гость, голос Аглаи прозвучал хрипло, нарушив стерильную тишину библиотеки.

Матвей поднял голову от своей карты. Его движения были плавными, ленивыми, по-тигриному грациозными. Он встал и подошел к столу, нависая над ней сзади. Аглая почувствовала жар, исходящий от его тела. Близость мужчины после часов совместной работы ощущалась физически остро запах его кожи смешивался с ароматом старой бумаги, создавая совершенно новый, опасный парфюм.

Не дышите мне в затылок, вы сбиваете калибровку тепла, попыталась пошутить она, но голос сорвался, когда его ладонь легла на спинку её кресла, всего в паре сантиметров от её плеча. Он не коснулся её, но очерченное им пространство стало зоной высокого напряжения.

Что там? спросил он тихо. Его горячее дыхание ше-

вельнуло прядь волос у её виска.

Вместо ответа Аглая взяла длинный тонкий пинцет. Её руки едва заметно дрожали то ли от близости Вересаева, то ли от предчувствия тайны. Она подцепила находку и медленно, миллиметр за миллиметром, извлекла её из бумажного плена.

Это был цветок шиповника. Дикий, лесной. Лепестки высохли до состояния пергамента, потеряв объем, но сохранив цвет глубокий, винно-красный, тревожный. Кто-то сплющил его здесь двести лет назад, запечатав между строк о судьбе и роке.

Аглая положила его на бархатную подложку. Цветок лежал мертвым насекомым, хрупким и смертоносным одновременно.

Это книга вашей матери, сказала Аглая, поворачиваясь к нему. Их колени почти соприкасались под столом. Вы говорили, она была... правильной. Женой олигарха.

Матвей смотрел на цветок так, словно тот мог ужалить. Кровь отхлынула от его лица, оставив лишь серую бледность, которая делала его глаза еще более светлыми, ледяными. Но этот холод был обманчив. Аглая видела, как пульсирует жилка на его шее быстро, часто, выдавая бурю внутри.

Отец нашел эту книгу в сейфе после её побега, его голос стал ниже на октаву, приобрел бархатную,

вибрирующую глубину, от которой волоски на руках Аглаи встали дыбом. Сказал, что это всё, что от неё осталось. Мусор сентиментальной дуры. Он вырвал титульный лист с дарственной надписью того учителя. Я думал, он уничтожил всё.

Он протянул руку. Не взял пинцет. Его указательный палец теплый, с коротко стриженными ногтями завис прямо над сухим лепестком. Он не смел коснуться памяти матери, боясь разрушить её окончательно.

Аглая затаила дыхание. Пространство между его пальцем и красным цветком искрило. В этой микросекунде было больше эротики, чем в любой откровенной сцене. Страсть рождалась не из прикосновения, а из запрета на него. Из благоговения перед чужим горем.

Открой страницу, внезапно приказал Матвей. Голос сел до шепота, властного и требовательного. Ту, откуда ты его достала.

Аглая повиновалась. Руки действовали автоматически, пока всё её существо сосредоточилось на мужчине рядом. Она перевернула лист. Чернила выцвели, бумага пожелтела. Текст гласил: «...ибо истинная свобода есть отказ от страха перед неизвестностью будущего. Тот, кто привязан к золоту или титулам, уже раб...»

Дальше, выдохнул Матвей ему в плечо. Он сделал

шаг вперед, сокращая дистанцию. Теперь он стоял вплотную к её креслу, заключая её в ловушку своего роста и запаха. Читай вслух. Следующую строку.

Его близость обжигала. Аглая чувствовала твердость его бедра сквозь ткань своих рабочих брюк. Сердце колотилось где-то в горле, мешая глотнуть воздуха. Это было неправильно. Это было опасно. Но сопротивление казалось физическому закону тяготения невозможным.

«Человек, покинувший свою гавань ради шторма, либо обретет новые земли, либо сгинет в пучине, но никогда не вернется прежним», прочитала она севшим голосом, не отрывая глаз от букв, которые вдруг стали расплываться.

Матвей издал низкий, грудной звук нечто среднее между смехом и рычанием. Сгинет в пучине, повторил он эхом. Красиво звучит. Поэтическое оправдание бегства.

Он резко опустил руку. Его палец накрыл сухой лепесток. Он не погладил его. Он прижал его к бархату всей тяжестью ладони, сминая хрупкую плоть цветка в пыль.

Она не умерла, прошипел Матвей, и его лицо искажилось гримасой боли и ярости, находясь в дюймах от лица Аглаи. Она просто сменила статус. Ушла к нищему учителю. Предала империю отца ради стихов

при свечах. Оставила меня пятилетнего смотреть, как отец разбивает ее фарфор о стену. Ты понимаешь? Она выбрала слова вместо хлеба. А я десять лет ждал, что она одумается и придет обратно в наш золотой дворец.

Его рука, только что сжимавшая цветок, метнулась вверх. Но схватила он не книгу. Его горячие, жесткие пальцы обхватили шею Аглаи. Не давили фиксировали. Большой палец лег на бьющуюся синюю венку под мочкой уха. Прикосновение было шокирующим, интимным, полным собственнического отчаяния.

Аглая замерла, инстинктивно вцепившись пальцами в край стола. Клей в горшочке давно остыл, комната наполнилась запахом озона от их разрядов. Она смотрела в его глаза. Там не было угрозы убийцы. Там была агония человека, которого бросили посреди океана.

Поэтому ты боишься любви, да? прошептала она, не пытаясь отстраниться. Её кожа горела там, где касались его пальцы. Боишься, что, если позволишь себе согреться, тебя снова оставят замерзать среди антиквариата?

Матвей моргнул. Наваждение начало спадать, возвращая фокус реальности. Он увидел свои пальцы на её горле, увидел расширенные зрачки Аглаи, почувствовал, как тяжело она дышит. Страх в её глазах бо-

ролся с желанием.

Он отдернул руку так быстро, словно обжегся. Сделал шаг назад, разрывая их связь, ударившись бедром о соседний стол. На пол упала баночка с рыбьим клеем.

Тишина вернулась оглушительным звоном в ушах. Между ними теперь лежала мертвая растоптанная роза, разбитый флакон и тайна женщины, выбравшей свободу.

Не смей анализировать мою семью, прохрипел Матвей, хватаясь за столешницу, чтобы не упасть. Ноги его не держали. И никому не говори об этом цветке. Никто. Никогда.

Он развернулся и вышел из библиотеки, оставляя дверь открытой. Сквозняк подхватил легкий пепел раздавленного шиповника и понес его по полу, словно кровь раненого зверя.

Аглаю трясло. От холода, от адреналина, от того электрического разряда, который проскочил между ними через мертвый цветок. Она посмотрела на свои руки они пахли пылью, клеем и им. Запах страсти всегда немного отдаёт гарью разрушения.

Глава 8. Сломанная рама

Ярость Матвея всегда была красивой. Холодной, расчетливой, архитектурно выверенной. Он уничтожал конкурентов с вежливой улыбкой, банкротил династии одним росчерком пера и никогда не повышал голос выше бархатного полусшепота. До сегодняшнего утра.

Триггером послужила сущая мелочь позолоченная лепнина на фризе малой гостиной. Итальянские мастера, выписанные за баснословные деньги из Вероны, заporоли патину. Вместо благородной старины цвета темного меда они оставили кричащий, дешевый золотой блеск, какой бывает на дешевых китайских сувенирах.

Я просил вас о времени, а не о краске для идолов! Матвей швырнул планшет с рендерами в сторону верстака. Устройство ударилось о дубовую балку и разлетелось пластиком.

Прораб, пожилой итальянец Джузеппе, лишь перекрестился и что-то залопотал на своем диалекте про влажность стен. Но Матвею уже было плевать на языковой барьер. Его трясло от бессилия. Весь этот дом сопротивлялся ему. Каждая балка, каждый кирпич помнили старого хозяина, а он, законный наследник,

чувствовал себя здесь самозванцем, который пытается надеть чужой скин.

Он развернулся, ища выход своей разрушительной энергии. Взгляд упал на стену галереи. Там висел массивный пейзаж XIX века: тусклое болото, унылые березы и охотник с собаками. Картина принадлежала еще отцу, но вызывала у Матвея только глухое раздражение своим мещанским спокойствием. Багет был чудовищным тяжелый, резной, покрытый облупившимся лаком под «старую Францию».

Матвей подошел к стене. Рывком снял тяжелое полотно. Крюки со скрипом вышли из пазов. Прораб замер с открытым ртом.

Выбросите это убожество, бросил Матвей через плечо, направляясь к камину. И закажите мне сюда современное искусство. Черный квадрат. Или ржавое ведро. Что угодно, кроме этой кладбищенской тоски.

Он размахнулся. Тяжелая золоченая рама со звоном врезалась в мраморную облицовку камина. Удар был таким мощным, что по библиотеке пошел низкий гул. Багет треснул пополам, брызнув во все стороны щепками и сухой пылью старой позолоты. Холст перекосило, край его порвался о выступающий зубец резьбы.

Звук собственного дыхания казался Матвеем оглушительным. Он тяжело опирался руками о каминную

полку, глядя на обломки дерева у своих ног. В ушах шумела кровь. Он только что уничтожил вещь стоимостью в несколько тысяч евро просто потому, что она стояла на пути. Это было проявление слабости, и он ненавидел себя за неё больше, чем рабочих за их халтуру.

Знаете, в чем ваша проблема, господин архитектор? раздался тихий, абсолютно спокойный голос за его спиной.

Матвей резко обернулся. Сердце, только что колотившееся от ярости, пропустило такт от неожиданности.

Аглая стояла в дверях библиотеки. Она не смотрела на разбитую раму или испорченный холст. Её взгляд был прикован к его лицу. К тому, как дергается жила на его скуле. На её собственных щеках играла краска от работы румянец здорового человека, контрастирующий с бледностью Матвея. В руках она держала чашку с остывшим кофе. От нее пахло озоном и свежим хлебом видимо, она спускалась в кухню.

Проблема? переспросил он хрипло, выпрямляясь. Ему хотелось выглядеть угрожающе, но мешали осколки золота под ботинками. Они предательски хрустели при каждом движении.

Ваша проблема в том, что вы пытаетесь заставить старый дом петь голосом Стинга, когда он хочет ис-

полнять Шаляпина, она сделала шаг вперед, осторожно обходя лужу кофе, которую пролил один из охранников, вбежавших на шум. Вы ломаете багет девятнадцатого века, чтобы доказать себе, что хозяин здесь вы. Но хозяином дома является время. А оно не терпит истерик.

Она подошла почти вплотную. Настолько близко, что могла бы дотронуться до его рукава. Но не стала. Просто стояла и смотрела на него снизу вверх, чуть запрокинув голову.

И вдруг Аглая улыбнулась. Сначала дрогнули уголки губ. Потом в глазах серых, обычно усталых вспыхнули теплые искры. А затем она расхохоталась.

Это не был вежливый смешок леди. Это был громкий, свободный, совершенно неприличный женский смех. Она смеялась так искренне, что у Матвея перехватило дыхание. Звук отражался от высоких потолков, заполняя собой ледяное пространство библиотеки, согревая его лучше любых батарей. Она смеялась над ним. Над его дорогой обувью, стоящей в пыли предков. Над его титановым эго, разбившимся о камни камина вместе с рамой.

Господи, да прекратите вы строить из себя Медного всадника! выдохнула она сквозь слезы радости. У вас сейчас лицо такое, будто вы лично выиграли Куликовскую битву, а потом обнаружили, что враг забыл при-

нести меч. Один сломанный кусок деревяшки. Стоит ли портить карму?

Матвей смотрел на неё, моргая. Ярость вытекала из него, как вода из пробоины, оставляя после себя звенящую пустоту и... странное облегчение. Впервые за много лет кто-то увидел его взрыв и не испугался. Не начал лебезить, не стал вызывать охрану, не расплакался (как делала Вика). Человек, напротив, признал его право на гнев, обесценил масштаб трагедии и вернул его на землю одной фразой.

Он почувствовал, как мышцы лица, сведенные судорогой бешенства, начинают расслабляться. Уголок его рта дернулся.

Я купил эту картину за пятнадцать тысяч фунтов на аукционе Christie's три года назад, мрачно сообщил он, пытаюсь сохранить остатки достоинства.

Аглая перестала смеяться, но улыбка осталась. Она подошла к камину, присела на корточки перед обломками рамы и подняла крупный кусок резьбы. Провела пальцем по срезу дерева. Дуб. Массивный. Хорошая работа. Жаль выбрасывать такую фактуру. Мы можем отдать это моему реставратору по мебели. Сделаем из этого панно для вашей спальни. Назовем инсталляцией «Крах перфекционизма». Будет стоить вам миллион, зато эксклюзив.

Она встала, отряхивая ладони. Посмотрела на разо-

рванный холст пейзажа. Подошла ближе, наклонилась и аккуратно заправила лоскут ткани обратно под планку подрамника. Движение было бесконечно нежным.

Знаете, почему я люблю старые вещи? тихо спросила она, всё ещё стоя к нему спиной. Потому что у них есть шрамы. Эта картина видела пожар восьмисот двенадцатого года, революцию, блокаду. Ей прострелили бок картечью, видите? она ткнула пальцем в крошечное отверстие в углу неба. А вы расстроились из-за того, что итальянцы купили лак не той фирмы. Масштаб бедствия несопоставим.

Она повернулась. Их разделяло теперь меньше метра. Воздух между ними снова изменился. Смех стер последние границы профессиональной дистанции. Теперь это была территория двух людей, которые знают секреты друг друга. Он знал о цветке шиповника в книге её матери. Она знала о его детском страхе быть недостойным отцовской любви, выплескивающимся в разрушении имущества.

Вы невыносимы, Лада, произнес Матвей внезапно севшим голосом. Слово «невыносимы» прозвучало как высшая похвала.

Я знаю, кивнула она, допивая холодный кофе одним глотком и морщась. Поэтому вы меня и не увольняете. Скучно будет смотреть на черные квадраты в

одинокестве.

Она обошла его, задев плечом. Легкое касание ткани о ткань. Никакого электричества, никакого сексуального напряжения просто констатация факта близости. Тепло человеческого тела рядом.

Когда дверь библиотеки закрылась за ней, оставив его одного среди обломков его же гнева, Матвей опустил глаза на свои руки. Они больше не дрожали. Впервые за долгое время тяжесть особняка легла на плечи не свинцовым грузом ответственности, а уютным весом дома, где можно позволить себе быть несовершенным. Где твой крик разбивается не о равнодушные стены, а о чей-то искренний смех.

Глава 9. Точка росы

Рассвет в библиотеке пах озоном и мокрым железом. Строительные леса, опутавшие купол паутиной из алюминия и досок, казались скелетом древнего чудовища. Аглая поднялась на самый верхний ярус туда, где сходились ребра стропил. Ей нужно было проверить состояние лепнины под самым сводом: там, куда не доставал свет ламп, копилась вековая сырость.

Она стояла на узкой перекладине, балансируя над пятнадцатиметровой пустотой. Внизу суетились рабочие, их голоса доносились глухим эхом. Здесь же, на высоте, царила только тишина и свист ветра, проникавшего сквозь щели в витражном остеклении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.